

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1861-й годъ.

(Октябрь—Декабрь).

Студентскій шумъ не утихаетъ. Борзо разгорается Польскій Царство объявлено на военномъ положеніи. Прокламацію намѣстника читать грустно. Униженіе власти и противодѣйствіе правительству дошли до крайности. Говорятъ, намѣстника и генералъ-губернатора прибили на улицѣ, и послѣдній болѣнъ, Герштенцвейгъ умираетъ. Толпа осаждаетъ города, и войско посреди народа едва въ состояніи сохранить себя отъ нападений. Оно въ осадѣ. Массы постоянно на улицахъ, обижаютъ полицію, смѣются запретамъ, вызываютъ новыя сборища. Особенно дѣятельны женщины и ксѣнезы. Церкви обратились въ скопища. Молитвы замѣнены гимнами возстанія. Теперь костелы заперты, и всякій домъ сдѣлается каедрою крамольнаго священника. Нѣтъ сомнѣнія, что мы много дѣлали ошибокъ при управленіи Царствомъ (Паскевичъ, князь Горчаковъ); несомнѣнно, что мы и теперь ихъ дѣлаемъ. Чтò можетъ придумать графъ Ламбертъ, человѣкъ совершенно неопытный, хотя онъ католикъ, иностраннаго прозванія и любитель женцинъ? Но я объясняю себѣ возстаніе Польши тѣмъ же пробужденіемъ духа народности, который такъ сильно вездѣ предъявляетъ права свои, и слабостію характера Государя, отражающейся на всѣхъ дѣлахъ его. А потомъ—и это главное—неурядицы происходятъ отъ неустройства нашего правительства, которое доселѣ сохраняетъ учрежденіе и формы дворской конторы, тогда какъ общество давно уже измѣнилось и жизнь бродить, и заговорили въ массахъ. Пора! Пора!

Я сказать не могу, какъ озабоченъ я моею ревизіей. Генералъ Муравьевъ дѣлаетъ изъ нея все чтò только можно сдѣлать „сквернаго“,

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“ 1910 года.

ненавистнаго для меня и для личнаго состава Владимирскаго управленія, чтобы тамъ возопили на мое донесеніе. „Уволить, упразднить, инквизировать“, вотъ его слова, а по моему вина всему—онъ.

Я сказать не могу, какой оборотъ примутъ мои отношенія съ министромъ. По прочтеніи моего отчета о лѣсномъ управленіи, онъ послалъ во Владимиръ генерала барона Штакельберга, вице-инспектора Симонова и слѣдственную комиссію, угрожая всѣхъ предать суду. Рапортъ мой весь перечертилъ своими размахистыми отмѣтками. Директору Невѣровскому онъ сдѣлалъ такой пріемъ, что угодливый подчиненный для сохраненія достоинства не отвѣчалъ ни слова. Слушая мой докладъ, онъ трясся и заикался, и разрѣшенія состояли въ томъ, что то передать одному, то другому, то третьему. Онъ отобралъ отъ меня всѣ дѣла, даже дѣло о Каспійскомъ рыболовствѣ. Избѣгая разговора объ отчетѣ, онъ однако два раза повторилъ: „но все что написано надобно доказать“. Точно, изъ ревизора я дѣлаюсь обвинителемъ. Жалкое существо! Жалкое именно по своему ослѣпленію: онъ полагалъ, что у него все въ порядкѣ. Я войны не хочу. Я хочу, чтобы мнѣ не запрещали, въ дѣлѣ государственномъ, говорить правду, даже не всю правду, но безъ лжи. Но если пойдутъ далеко, я пойду далеко. У меня есть семейство, Митя и Тата, но я согрѣю ихъ отъ холода у груди моей и буду голоденъ, но ихъ накормлю. Есть предѣлъ терпимости. Есть подлость не только въ снисхожденіи, но и въ недостаткѣ доброй воли. Какое это управленіе! Одинъ не перемѣнишь; но развѣ, это оправданіе? Досаднѣе всего то, что всѣ директоры на меня окрысились. Наименѣе, кажется, Невѣровскій; но онъ отъ рѣчей министра, сказанныхъ разумѣется на первыхъ порахъ, считаетъ себя оскорбленнымъ. Предупрежденіе: далеко идти не надо. Я пойду дальше*). Этакъ людямъ скоро дышать будетъ нельзя. Слова не смѣй сказать. Запуганы мы какъ рабы. Пусть будетъ что будетъ. Я рѣшился.

Студенты сговорились съечь матрикулы, согласиться, но въ стѣнахъ и за стѣнами продолжать оппозицію; дождаться Государя и подать просьбу. Канцеляріи министерствъ и Сената выразили сочувствіе и

*) Я буду слѣдить за развитіемъ строгихъ распоряженій и уже теперь не могу не протестовать, что по двумъ главнѣйшимъ безпорядкамъ посылаются причастныя лица: по учету земель и плановому—Штакельбергъ, а онъ-то и писалъ запутанныя инструкціи и повѣрялъ представленія Палаты, а по лѣсной части Симоновъ, который въ концѣ 1860 г. ревизовалъ Владимирское управленіе и нашелъ въ порядкѣ. Бар. Штакельбергъ не поѣхалъ, а возвратился изъ Москвы сюда для полученія наставленій. Онъ отправлялся во Владимиръ на двое сутокъ и подтверждаетъ мои донесенія объ учетѣ земель и лѣсовъ, но находитъ, что нужно усилить средства только канцелярскія. Министръ приказалъ сдѣлать губернскому лѣсническому выговоръ и лишить его добавочнаго содержанія. Потомъ онъ отмѣнилъ послѣднее, а на другой день отмѣнилъ и выговоръ.

сдѣлали подписки, предполагая поднести адресъ Государю. Въ Сенатѣ оберъ-секр. Стасовъ собралъ подписки 50 человекъ и, что всѣми порицается, подписка на бѣломъ листѣ. Топильскій однако не могъ захватить ихъ; онѣ были изорваны. Стасовъ посаженъ въ бастилію. Въ деп. мин. юстиціи хлопоталъ редакторъ Арсеньевъ. Онъ уволенъ отъ службы или исключенъ. Но эти аресты и продолжительность замѣшательства только распространяютъ крамолу и непримѣтно связываютъ ее съ побочными и сторонними.

Важнѣе дѣла въ Царствѣ. Туда вызываютъ Лидерса. Ламбертъ занемогъ, отказался и даже уѣхалъ уже. Герштенцвейгъ умираетъ. Временно дѣло замкнули Сухозанетомъ. Несостоятельность правительства въ явѣ, вочію, осязательна. Западные губерніи (собственно города) слѣдуютъ за Царствомъ. Экіе плоды пожинаемъ мы послѣ мудрыхъ сѣятелей! А какъ хороши были эти сѣятели, исторія поименуетъ ихъ. Говорятъ даже, что вмѣсто Назимова назначается генераль-майоръ Зеленый.

Еще важнѣе дѣла внутреннія. Крѣпостной вопросъ готовъ разыграться, какъ не думали великіе двигатели. Не соглашаясь на условія (всегда выгодныя) уставныхъ грамотъ, крестьяне ждуть срока, срока полной свободы и усвоенія земли. Несомнѣнно то, что правительство сгибается подъ тяжестію поднятыхъ вопросовъ, и всякій авторитетъ парализованъ слабостію и непослѣдовательностію Государя.

Обѣдалъ у меня „заточенный, одичалый“ Гавр. Степ. Батеньковъ, воскресшій отъ 20-лѣтней смерти въ Петропавловской крѣпости. Декабристъ этотъ едва ли не единственный дѣловой человекъ изъ дѣятелей того времени. Онъ встрѣтился со Сперанскимъ въ 1820 г. въ Тобольскѣ и съ того времени находился при немъ и занимался Сибирскими учрежденіями. Какъ всѣ декабристы, на мои глаза онъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ. Въ дѣльности его много угловатого, „одичалаго“. Есть какая-то притязательность, желаніе рельефности, несоединимыя съ серьезнымъ и скромнымъ его видомъ. Говоря о современной эпохѣ, онъ съ какимъ-то самодовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ: „мы уже прошли подобную эпоху еще болѣе смѣлую и шумную. Императоръ Александръ, въ 1803 г., провозгласилъ типографіи вольными фабриками, и цензуры не существовало“. Когда Величко сдѣланъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета? спросилъ я. „Послѣ моей смерти“, отвѣчалъ онъ самымъ натуральнымъ образомъ. Батеньковъ живетъ съ адмираломъ Матюшкинымъ, съ которымъ познакомился въ 1820 г. въ Иркутскѣ. Я немного могъ узнать отъ него о Сперанскомъ и о событіяхъ 14 Декабря. Онъ молчаливъ (будешь!), а деликатность не позволяетъ любопытства. Особенно хотѣлось мнѣ знать о настоящемъ значеніи заговора

1811 г.¹⁾ и объ участіи Сперанскаго въ дѣлѣ 1825. Сперанскій—судя по книгѣ Корфа—не удостоивалъ Батенькова особеннымъ отзывомъ, говоря, что въ Сибири онъ былъ „одинъ съ Цейеромъ“. Сперанскій и въ Петербургѣ имѣлъ при себѣ Батенькова, какъ другихъ чиновниковъ²⁾.

Вотъ Прусскій король и короновался, и возложилъ на себя „Божію милостію“ корону, учредилъ орденъ „королевской короны“, произнесъ нѣсколько рѣчей о священности монарха. Вѣрно. все это начали забывать, если Вильгельмъ I счелъ нужнымъ объ этомъ напомнить и иллюминировать свои понятія средневѣковымъ церемоніаломъ въ старинной королевской крѣпости. Въ добрый часъ! Да будетъ это къ добру! Но мы не совсѣмъ понимаемъ всѣ эти старые лѣса при возводимомъ новомъ зданіи. Эти понятія уже въ 1840 г. и въ томъ же Кёнигсбергѣ отдались едва слышнымъ отголоскомъ и едва ли не усилили стремлений, такъ мало заслуживающихъ „Божію милость“ и такъ противоположныхъ священной королевской коронѣ. Листъ *Staatsanzeiger* а 22 Октября, сію минуту мною полученный, содержитъ цѣлый лексиконъ герцога, графовъ, фрейгеровъ, дворянъ и кавалеровъ всѣхъ степеней, но въ этомъ спискѣ принуждены были и въ исчисленіи именъ принять порядокъ алфавитный. По историческому Божьему праву (при всей Его милости) не было никакой возможности составить этотъ списокъ. Матеріальное препятствіе знаменательно, и въ нашъ матеріальный вѣкъ это обстоятельство требовало бы уваженія болѣе знаменательнаго, нежели всѣ эти фразы, рассчитанныя на вѣроятіе лѣтописей и исторіографовъ. Лѣтописей уже нѣтъ, онѣ упразднились съ монастырями, а исторіографы не находятъ матеріаловъ, вида, что явленія, событія принадлежать не лицамъ, а массамъ. Прусскіе короли очень любятъ говорить, особенно потому что имъ мало дѣлать. Внутреннія Нѣмецкія разбирательства не удовлетворяютъ новую великую державу, которой бы хотѣлось играть роль и въ Ломбардіи, и въ Скандинавіи, и въ Крыму. Но, говоря много, короли немного сказали, и изо всѣхъ рѣчей покойнаго и нынѣшняго королей право, наука, общественность выжмутъ намѣки, громкія фразы и пошлыя сентенціи.

¹⁾ Объ этомъ заговорѣ для устраненія Александра Павловича имѣются доселѣ въ печати лишь темные слухи. П. Б.

²⁾ Это не вѣрно: Гаврила Степановичъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго. Въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, я встрѣтился съ нимъ у А. П. Елагинной, съ мужемъ которой онъ былъ однополчаниномъ и закадычнымъ другомъ. Батеньковъ сказывалъ, что единственную дочь свою Сперанскій сажалъ на хлѣбъ и на воду и запиралъ, понуждая къ браку съ родственникомъ графа Кочубея Фроловымъ-Багрѣвымъ: такъ сильна была у геніальнаго кутейника жажда знатности. П. Б.

Либералы этого не простятъ. Все это не спасетъ Пруссію отъ разливающагося демократизма и то, что она считаетъ своею цѣлю—Нѣмецкая имперія—ускорить это разлитіе, т. е. избравъ императора, учредить республику. Вѣкъ не признаетъ ни „Божіей милости“ безъ особыхъ заслугъ, ни наслѣдственности въ этой милости, по одному праву представленія. Вѣкъ хочетъ ѣсть и убѣдился, что если этимъ можно питаться, то нельзя быть сыту. Строить лѣса для возведенія органическаго зданія государства невыносимо и невыносимо: организмъ растетъ самъ собою, а лѣса отстаютъ; будучи же надстраиваемы, падаютъ. Такія манифестаціи только раздражаютъ мнѣнія.

Письмо 10 Октября о Кларендонѣ. Замѣчательная, полная искреннихъ чувствъ удовольствія исторія эта продолжается. Но какъ сильно воображеніе этой головки и какъ далеко идетъ увлеченіе сердца. Колѣни, мольбы, слезы, отчаяніе, а она и не замѣчаетъ, что съ письмомъ 20 Августа перемѣна совершилась, и для Кларендона наступили другіе помыслы. Онъ требуетъ *supériorité intellectuelle*. Сердцу больно слышать такія просьбы и жалобы, но поворотъ былъ необходимъ. *J'aime les positions franches, et je suis profondément persuadé qu'il n'y a du bonheur que dans les voies communes.* Плачь и ропщи: твое счастье для меня выше твоего горя. Горе стихнетъ, привычка вернетъ свое, и ты оставишь мысль, которую лелѣешь и отталкиваешь, которая невозможна съ твоимъ счастьемъ и которая ставитъ обоихъ въ положеніе ложное и предосудительное. Не думай, чтобы это дорого стоило тебѣ одной. Ты живѣе чувствуешь, за то скорѣе и примѣнишься къ другому положенію. Довольно. Да. Но отчего это раздражающее письмо читалъ онъ десять разъ? Нравилось ему смотрѣть на это плачущее сердце, на эту поникшую голову и слушать крики: „сжальтесь, не покидайте. единственное мое счастье—ваша дружба, безъ нея я жить не могу, простите меня, пощадите меня, я не виновата, но прошу прощенія“. Что, развѣ это льститъ самолюбію? Или слова эти откликаются тѣмъ же чувствомъ въ собственномъ сердцѣ? Или изученіе страсти имѣетъ свое увлеченіе? Не знаю. Знаю, только, что онъ начиналъ три, пять писемъ, два дня былъ задумчивъ и оставался въ уединеніи, на третій совершилъ аутодафе и остался при своемъ. Я не думаю, чтобы это было жестокосердіе или твердость. Скорѣе это можно объяснить любовью, любовью благородною. Она готова на жертвы*).

Михайловъ и Костомаровъ, за распространеніе возмутительныхъ воззваній, какъ государственные преступники, преданы суду Прав.

*) Что это такое, недоумѣваемъ. Кларендонъ въ старинной Англій былъ поклонникомъ королевской власти. П. Б.

Сената. Сего дня былъ собранъ весь Сенатъ и прочитаны какъ повелѣніе, такъ и приложенныя къ дѣлу прокламаціи. Последнее чтеніе, вовсе неумѣстное и подлежащее вѣдѣнію только того суда, гдѣ будетъ дѣло, придумано для назиданія Адлерберговъ и Муравьевыхъ. Имена этихъ господъ, расточителей казны, упоминаются безпрестанно, и сенаторы, рассказывавшіе мнѣ о впечатлѣніи при этомъ чтеніи, прибавляютъ о Михайловѣ „не ошибся“. Вотъ нравственность нашего правительства въ высшихъ его представителяхъ.

Государь очень недоволенъ студентами. Онъ возвращается, и въ Москвѣ и Петербургѣ приняты мѣры, чтобы тревожная молодежь не обезпокоила усталого Монарха. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь дѣло дошло до схватокъ, и изъ студентовъ многіе изувѣчены. Полиція говоритъ двое (Лебедевъ и Посыпкинъ), слухъ говоритъ 14. Государь вызвалъ къ себѣ (на дорогу?) Чевкина и Шувалова (жандарма), чтобы узнать положеніе и подробности дѣла.

Петербургъ чрезвычайно взволнованъ, и студентская исторія, перешедшая частію и въ народъ, служить только предлогомъ возгласовъ, вызываемыхъ безпокойными вѣстями изъ деревень. Шереметевъ читалъ мнѣ письма сына, который, празднуя медовый мѣсяцъ съ красавицей Софьей Петрово-Соловово, распоряжается имѣньями и не знаетъ что дѣлать съ упрямствомъ крестьянъ, лишающимъ богатыхъ владѣльцевъ необходимыхъ для жизни доходовъ, такъ что мать и отецъ, пробывъ два года въ чужихъ краяхъ, выпрашиваютъ у Буткова изъ Совѣта жалованья за это время. Должно знать, что Шереметевъ, со времени назначенія 17 Апрѣля 1857 г., ни разу не былъ въ Совѣтѣ, куда посаженъ изъ министровъ съ придачею чина 2 класса. Жалованье его 7500 р.

Изъ всѣхъ страстей сребролюбіе есть самое сильное и самое распространенное. Нельзя безъ отвращенія смотрѣть на эти голодающіе въ пресыщеніи аппетиты. До безстыдства, до наглости! А что въ Царствѣ, Вильнѣ и Кіевѣ? Если не скажешь съ сенаторами „не ошибся“, то конечно пожелаешь, чтобы Государь подумалъ объ этомъ и вникъ. Я не вижу другаго исхода, какъ дарованіе конституціи. Она создастъ единство и укрѣпитъ правительство. Опираясь на палату, правительство найдетъ законность, будетъ дѣйствовать увѣреннѣе и располагать средствами, какихъ теперь не имѣетъ. Бываютъ времена, когда и могучій произволъ не достаточенъ, какъ бываютъ обстоятельства, когда безсильна законность. Полицейское, ненародное и дворское правительство такъ давно и заносчиво распоряжается націей, что пора ему подумать и обдуматься. Своекорыстіе и личность (что все равно) мелки, тѣсны и узки не только для Россіи, но и для Саксоніи. Только при понятіи

о всѣхъ интересахъ и объ интересахъ всѣхъ власть получаетъ надлежащее значеніе. Министры съ этимъ не согласны, но государи должны согласиться, если они не желаютъ сдѣлаться смѣнными и премѣнными какъ министры.

18-го. въ Середу, я получилъ въ 4 часа телеграмъ, что семья моя выѣзжаетъ изъ Орла въ 11 часовъ. Съ того времени я слѣжу ихъ мысленно и до настоящей минуты, 23, не имѣю никакихъ извѣстій. Съ дѣтьми ѣзда медленна, но какъ же не написать изъ Тулы? Вездѣ телеграфы. Въ Тулѣ моя Варя. Рукой подать. Не знаю, чему приписать эту медленность и это молчаніе!

Пріѣхали сегодня. Все благополучно. Митя и Тата прекрасны какъ ангелы.

Вышелъ № 3 „Великоросса“ и при немъ адресъ Государю. Адресъ написанъ съ достоинствомъ и въ существѣ предлагаетъ уступку Польшѣ и дарованіе конституціи. Я думаю, судя по общественному говору, что это общее мнѣніе, и что содержаніе, тонъ и форма адреса не оскорбляютъ ни величества, ни правды. Но я не согласенъ на указываемый способъ: собрать депутатовъ. Этотъ способъ оторветъ насъ отъ дурнаго, правда, но привычнаго историческаго хода, окончательно броситъ насъ на путь назойливыхъ требованій и кончится переворотомъ и бѣдствіями. Этотъ путь и по существу дѣла не представляетъ никакихъ ручательствъ успѣха; ибо, по губернскимъ крестьянскимъ комитетамъ мы видѣли, что мѣстные депутаты совершенно чужды объема интересовъ государственныхъ. По моему мнѣнію надобно разсмотрѣть причины настоящаго порядка и обсудить ихъ въ установленномъ порядкѣ. Причины эти: недостатки, безпорядки и злоупотребленія управленій. Ихъ надобно предать суду. Порядокъ этотъ: Верховный Судъ, Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. Но сборъ этихъ инвалидовъ далеко не отвѣчаетъ задачѣ. Его надобно усилить назначеніемъ новыхъ членовъ, и ему необходимо дать самостоятельность уничтоженіемъ вліянія канцелярій. Эта *épuration* крайне нужна и доставитъ правительству людей умныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ государственныхъ и самостоятельнаго мнѣнія. Я опасуюсь, что и политическій вопросъ рѣшится какъ крестьянскій и, будучи рѣшаемъ послѣ крестьянскаго, я боюсь, чтобы рѣшеніе не началось мщеніемъ: дворянство дышетъ ненавистью къ Государю и династіи. Оно, разоренное, уже забываетъ, что преданіе, наследственность, династія суть религія порядка, и что безъ нихъ произволь, произволь толпы не связывается даже формальностію и инстанціями и громко запоетъ: „я пойду, пойду косить“.

„Великороссъ“ № 3 такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что откровенно высказываетъ планъ и способъ своихъ дѣйствій въ 1863 г. Я не думаю,

чтобы онъ оказывалъ услугу такимъ разглашеніемъ своей собственной партіи, и сомнѣваюсь, чтобы дѣло ея было такъ вѣрно, чтобы твердость порядка не выдержала напора неорганизованныхъ полчищъ. Порядокъ доселѣ подмывается неспособностію правителей и несообразностію учреждений. Только при нихъ возможна такая свобода, такая дерзость пропаганды.

Прочелъ „Тысящелѣтіе Россіи“ профес. Павлова, напечатанное въ календарѣ 1862 г. Сочинитель имѣеть знаменитость по гоненіямъ за либерализмъ. Статья эта, конечно демократическая, не дала бы и не прибавила бы этой знаменитости. Предполагая быть современнымъ выраженіемъ науки послѣ (лестно упомянутыхъ) разнородныхъ изысканій, статья выразила, кажется, только мысль о системѣ федеративности и централизаціи, а въ изложеніи и оцѣнкѣ фактовъ далеко не представляетъ ничего новаго, содержитъ напротивъ много неточнаго и неправильнаго, и вообще не далеко отходя отъ направленія и изложенія Кайдановской школы,—другой краски. Не понимаю, почему сочиненіе это удостоилось обнародованія во Всероссійской ручной книгѣ. Для чтенія она длинна, для поученія пуста.

По высочайшему (мнѣніе Госуд. Совѣта) повелѣнію 22 Марта 1860 г., дабы возвысить духъ арміи, отмѣнена отдача въ солдаты лицъ, осуждаемыхъ за пороки, проступки и преступленія (кромѣ несовершеннолѣтнихъ изъ высшихъ сословій) и приказано согласить съ этимъ постановленіемъ прочія статьи Свода Законовъ, опредѣляющія отдачу въ солдаты за дурное поведеніе, проступки, нераденіе къ должности и хозяйству и неизбраніе жизни, распорядительнымъ порядкомъ т. е. по приговорамъ обществъ, Евреевъ и колонистовъ, и по распоряженіямъ палатъ, правленій и конторъ. Предполагая воспользоваться этимъ случаемъ, я представляю докладъ и склоняю заключеніе къ тому, чтобы совсѣмъ отмѣнить право управленія распоряжаться такимъ крѣпостнымъ порядкомъ, а ограничить его исключеніемъ, лишеніемъ преимуществъ *ad hoc*. Не знаю, удастся-ли мнѣ. Генералъ Муравьевъ исповѣдуетъ право силы и дискреціонной власти. Вообще я постоянно замѣчаю, что мнѣ *проводить* мои намѣренія никогда не удается. Впрочемъ законодательство наше здѣсь такъ грубо, что и съ такимъ генераломъ время наше можетъ рассчитывать на смягченіе.

Послѣ чтенія моего во время уединенной жизни въ Бремболѣ (въ 2 верстахъ отъ Переславля) я говѣлъ, съ веригами, у Николы Столпника, и бесѣдовалъ съ отцами архимандритами Θεодоромъ (ссылнымъ за „Православіе и современность“), съ Нифонтомъ и архіепископами (Іустиномъ, здравымъ и прямымъ Византійцемъ, и Павломъ, извѣстнымъ по своей карьерѣ).

Мнѣ всегда нравилось положеніе, которое, со времени Наполеонскаго демократизма, взяла себѣ наука во Франціи, т. е. академіи и институты. Она стала теченію поперекъ. У насъ они, Академія и профессора, становятся по вѣтру. А между тѣмъ и философія, и богословіе требуютъ внимательнаго и благороднаго изученія. И наука и религія падаютъ. Сблизясь, соединясь съ жизнью, наука запутывается въ положительныхъ выводахъ повтореніемъ случайностей и теоретическимъ осуществленіемъ возможности.

Если судить о нашихъ официальныхъ и полуофициальныхъ преобразовательныхъ работахъ (о контролѣ, подъ руководствомъ ст.-секр. Татаринова, о земскихъ банкахъ Безобразова и Шила, о податяхъ Гундобина и др.), то часть преобразованій очень далека: такъ они многословны, пустопорожни и поверхностны.

Я сей часъ кончилъ докладъ о земскихъ повинностяхъ. Существеннаго въ немъ то, что государственныя повинности слѣдуетъ перенести въ общую роспись, а сословныя отдѣлить, предоставивъ разсмотрѣніе ихъ тому присутствію, которое *будетъ* образовано. И весь многословный докладъ составленъ по указамъ Полнаго Собранія. Дѣло въ томъ, что, по примѣру Франціи, намъ давно бы слѣдовало (какъ и заявлено въ 1811 году) снять главнѣйшія повинности (не однѣ государственныя) на государство. Дѣло въ томъ, что главнѣйшую повинность (дороги и мосты) надобно выкупить. Теперь, это пустая трата денегъ. Ихъ собираютъ, крадутъ или употребляютъ дурно. Болѣе ста лѣтъ производятся эти сборы, а ни дорогъ, ни мостовъ нѣтъ. Капитализируйте этотъ расходъ, вы давно имѣли бы шоссе и мосты каменные, не безпокая земства ни сборами, ни нарядами. Я видѣлъ эти мосты и дороги.

Конечно, безъ мѣстныхъ сборовъ не обойдешься; но надобно: 1, чтобы они были непременно смѣтные, никогда произвольные или чрезвычайные; 2, чтобы они, соединяясь съ выгодами, разлагались по мѣрѣ выгодъ уравнительно и входили удобно; 3, чтобы составленіе смѣтъ принадлежало мѣстнымъ учрежденіямъ, а раскладка не зависѣла ни отъ душъ, ни отъ сословій; и 4, чтобы контроль и гласность не были пустыми словами. Здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь бессмысленна эта круговая порука, *contrainte solidaire*, которая напоминаетъ дикое населеніе и юность администраціи.

У насъ, въ казенномъ управленіи, денежные сборы чрезвычайно разнообразны и очень велики. Разнообразіе, множество это въ рукахъ какого нибудь генерала Муравьева даетъ такую свободу непримѣтно возвышать ихъ, что при обзорѣ мною Владимирскихъ управленій крестьяне, во многихъ мѣстностяхъ, жаловались на тягость податей.

Въ Заколѣсной волости (Меленковскаго уѣзда) жаловались на несоразмѣрность оброчной подати при дурномъ качествѣ земель, истощеніи лѣсовъ и упадкѣ промысловъ. Въ Багратионовской волости (Муромск.) представляли, что они несутъ тяготу больше, нежели при помѣщичьемъ управленіи, и сборы постоянно возвышаются. За троичныя стойки вносили они по 35 к., а въ 1861 г. (по предписанію о однообразномъ сборѣ) 50 к. Въ Сергіевской волости (Гороховск.) объясняли, что не смотря на сокращеніе управленія (сельская инстанція), общественный сборъ не уменьшился, а увеличился; а въ Алексинской волости (Ковровск.) единогласно роптали на высокую и незаконную оцѣнку промысловъ. 4500 крестьянъ (офени) съ 1856 г. отказываются отъ составленія раскладочныхъ приговоровъ, протестуя этимъ противъ незаконности налога. Въ Елизаровской волости (Переславск.) и въ Кудыкинѣ (Покровск.) жаловались вообще на отяготительность сборовъ по недостатку земель. Вообще подати, сборы (повторяю) очень велики, и я привожу здѣсь жалобы тѣхъ волостей, гдѣ масса народа единогласно роптала на нихъ. Круглымъ числомъ приходится на душу, на человѣка—8 р. Для большой семьи это тяжело. Я говорилъ и утверждаю, что сборы, всѣ, податныя, общественныя, земскіе и даже мірскіе, должны быть приведены въ единообразіе, съ совершенною отмѣною повинностей натуральныхъ и сборовъ сверхсмѣтныхъ и безсмѣтныхъ.

Университетскія исторіи приутихли, но не прекратились. Предсѣдателемъ комиссіи о Петербургскихъ студентахъ назначень, по имени, т. е. Николай Пущинъ, носящій декабристское имя и рѣшительно неспособный на дѣло и въ дѣлахъ вообще не свѣдущій. Профессора лучшіе выходятъ въ отставку: Костомаровъ, Кавелинъ, Стасюлевичъ, Спасовичъ, любимцы студентовъ. Другіе приготовляются выйти. Лекціи существуютъ по имени, какъ и открытіе университета. Въ Москвѣ новый профессоръ Борисъ Чичеринъ читалъ на дняхъ вступительную лекцію о государственномъ правѣ, дѣлающую много шуму и тамъ и здѣсь. Чичеринъ очень бойко и съ блескомъ началъ свое поприще „Областными Учрежденіями“, гдѣ критика доходила до осмѣянія. Книга написана умно, остро и широко, но носитъ печать односторонней полемики, закрывающей научную сторону. Смѣлый изслѣдователь поблудмался и подался назадъ. Онъ издалъ мелкія свои статьи и въ пространномъ предисловіи выразился консерваторомъ. Еще болѣе это направленіе развито въ письмѣ къ Герцену, напечатанному въ Колоколѣ. И за то и за другое досталось молодому ученому. Онъ замолкъ. Болѣе смѣлости и требовательности видно въ настоящей его лекціи, но профессоръ неоднократно старается отдѣлать изученіе отъ увлеченій, чтеніе отъ говора, среду университетскую отъ внѣшней жизни и въ

заклученіи, послѣ обращенія къ Грановскому, приглашаетъ слушателей не предаваться шумнымъ манифестаціямъ. Какъ отзовется молодежь на эту лекцію и удержитъ-ли Московское начальство свой университетъ въ должныхъ предѣлахъ послѣ того, какъ студентовъ, по тщеславному объявленію полиціи, народъ самъ собою ловилъ и вязалъ на площади, гдѣ найдены кинжалы и палки, и послѣ того какъ Петербургскій генераль-губернаторъ увольняется (я думаю—нѣтъ). Развѣ начальство уступитъ по привычкѣ и по безсилію. Привычка отъ необходимости и ложнаго правила—*claritudo obsequiis protegenda*. Безсиліе—отъ того, что, не желая дѣйствовать мѣрами à la Nicolas, начальство въ обществахъ и корпораціяхъ встрѣчаетъ противодѣйствіе. Генераль Милютинъ могъ разбить гр. Путятину въ Совѣтѣ Министровъ, но не могъ избѣжать пораженія въ своихъ военныхъ судахъ. Артиллеристы Энгельгардтъ, Богдановичъ, Семевскій и Странденъ, преданные суду, не признаны виновными, такъ какъ почтенный комендантъ, генераль Зальца, донося о присутствіи этихъ офицеровъ въ толпѣ и неповиновеніи ими внушеніямъ его, не представилъ законныхъ свидѣтелей. Извольте видѣть, старику не вѣрять, а онъ въ суматохѣ и забылъ, что будутъ смуты и что для судебного изобличенія, въ случаѣ нарушенія, нужны классическіе свидѣтели. Замѣчательно, что и старикъ Зальца и полицмейстеръ Злотницкій, на вопросъ суда, отказались отъ своихъ обвиненій, разъяснивъ, что они въ одномъ могли ошибиться, имъ такъ показалось, а въ другомъ—что они не приказывали, а совѣтовали. Умно.

Сдѣлавъ важныя уступки 24 Ноября 1860 г. народному представительству, Наполеонъ 10 Ноября этого года дѣлаетъ новую уступку. Онъ отказывается отъ права разрѣшать дополнительные и чрезвычайныя расходы. Если прошлогодняя уступка была вызвана возраставшимъ преобладаніемъ народной партіи въ Италіи, то нынѣшняя едва-ли не служить сознаніемъ запуганности финансовъ, въ которыхъ безотчетныя назначенія требовали обузданія тѣмъ болѣе необходимаго, что ничто такъ не извинительно, какъ увлеченіе въ расходахъ полезныхъ. Эткихъ кредитовъ императоръ позволялъ себѣ до 250 милліоновъ въ годъ. Можетъ быть, онъ увлекался далѣе необходимаго и за предѣлы полезнаго. Бюджетъ росъ. Свобода расходовъ пугала своихъ и чужихъ. Бюджетъ всегда представлялся съ излишкомъ въ приходѣ и завершался съ значительнымъ превышеніемъ расхода. Несмотря на богатство страны, постепенное возрастаніе цифры грозило недостаткомъ. Наполеонъ, по совѣщаніи съ банкиромъ своимъ Фульдомъ, рѣшился на уступку, чтобы наконецъ уравнять приходъ съ расходомъ, ибо онъ увѣренъ, что подкупъ его партіи равняется желаемой твердости его династіи. Но обуздать себя трудно, даже въ расходахъ бесполезныхъ. Ми-

нистры, отказываясь отъ кредитовъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ, думаютъ установить болѣе солидарности съ законодательнымъ собраніемъ, въ обновленномъ его видѣ, но они не отказываются отъ полезныхъ расходовъ и надѣются на зачеты и перечисленія однихъ статей бюджета въ другія—*les virements*. Изъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредиты пожалуй сдѣлаются постоянными. Чѣмъ шире будетъ предусмотрительность, тѣмъ свободнѣе дѣйствіе правительства. Мы не сомнѣваемся только въ одномъ: и при этой неискренней реформѣ отчетность выиграетъ въ своевременности. Что же касается до вліянія этой мѣры на уменьшеніе вооруженій другихъ державъ, то мы въ этомъ сомнѣваемся.

Что еще принесутъ намъ торжество Итальянское, движеніе Славянъ и упорство національ-ферейна въ Германіи? Еще новыя нарушенія правъ народныхъ, правъ церкви и установленнаго порядка? Или покажутся начатки новаго созиданія новыхъ правъ, церкви и порядка, съ которыми если не примирятся, то войдутъ въ сдѣлку всѣ эти голодные аппетиты, дичающіе инстинкты и избалованныя потворствомъ самолюбія, честолюбія и сребролюбія,—всѣ возможныя любія, кромѣ любви христіанской?

Разбираю я дѣло о Печерско-Обскомъ краѣ, гдѣ подвизались пытливые слѣдователи Латкинъ, Крузенштернъ и Боровскій. Еще въ 1859 г. я желалъ содѣйствовать предпріятію Крузенштерна, хотя оно было и плохо усвоено, и мало обдуманно, и неопредѣленно очертано. Лѣса тамъ не только ничего не приносятъ, но гибнуть, горять, валяются и гніютъ. А ихъ тамъ до 20 мил. десятинъ и лучшаго качества. Край совершенно пустынный, неизвѣстный и безъ рукъ и капиталовъ. Министръ согласился: онъ податливъ вообще на смѣлыя предпріятія. Но въ Госуд. Совѣтъ явился бывший у насъ директоромъ Заблоцкій; къ нему присталъ одобрившій въ М-вѣ Финансовъ проэктъ Крузенштерна д. т. с. Бронъ, и Совѣтъ, который всегда радъ побить Муравьева, отвергнулъ представленіе. Я не защищаю Крузенштерна: онъ человѣкъ непрактическій, много зависѣлъ отъ Нѣмца Газе, самъ мало занимается и слишкомъ довѣряетъ одной возможности; но, повторяю, всякое предпріятіе въ безвѣстномъ, отдаленномъ, пустынномъ краѣ есть шагъ въ наукѣ, промышленности и управленіи. Я почти былъ увѣренъ, что предложеніе не исполнится и въ опредѣленный срокъ привилегія рухнетъ; но шагъ былъ бы сдѣланъ. Теперь Крузенштернъ представилъ другой проэктъ, обрѣзанный, сокращенный, и прежнихъ цѣлей нѣтъ и въ помину. Г. Заблоцкій можетъ порадоваться.

Такъ у насъ прекрасныя, важныя предпріятія обусловливаются личными вліяніями, и ихъ не чужды лучшіе люди, къ которымъ.

конечно, должно приписать Андр. Парѣ. Заблоцкаго-Десятовскаго, озлобленнаго гоненіями Муравьева.

Изъ Польши нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и о событіяхъ Варшавскихъ не говоритъ ничего наша гласность. Рассказываютъ, что Лидеръ объявилъ жителямъ о повелѣніи бомбардировать городъ, если смуты будутъ продолжаться. За то гласность наша много говоритъ о Польской національности, особенно Московскій Славянофилъ „День“. Гласность уступаетъ Западныя губерніи до Кіева и Смоленска. Въ странномъ—что бы не сказать бессмысленномъ—находимся мы положеніи. Правительство говоритъ и дѣлаетъ одно, а общество говоритъ другое. Только и остается, чтобы оно начало дѣлать, что говоритъ, и при значеніи современныхъ понятій о народѣ и народности, приступило къ преобразованію этого правительства въ учрежденіе народное. Сила вещей этого требуетъ, и это будетъ. Партія многочисленна, понятія сильны, логика идей, подкрѣпляемая гласностію, увлекательна, а въ стремленіи и стремительности вѣка недостатка нѣтъ.

Баронъ Петръ Мейендорфъ, занимающійся съ гр. Путятинымъ пересмотромъ ценсурнаго устава и университетскаго положенія, обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Какъ ни незапно было это требованіе, я далъ почтенному, отлично умному и образованно ученому посланнику отвѣты довольно категорическіе:

1. Уставъ *in concreto* не измѣнять. Поправить, дополнить, но въ смыслѣ преимущественно регламентаціи, а не ограниченія.

2. Собраніямъ высшихъ ученыхъ учреждений и съ согласія членамъ ихъ дозволить печатаніе безъ ценсуры.

3. Изучить дѣла главнаго управленія и двухъ комитетовъ и преподавать ценсорамъ инструкцію. Камъ мѣра распорядительная, инструкція эта, по мѣрѣ опыта, могла быть возобновлена, уясняема и измѣняема.

4. Въ ценсурѣ книгъ ученыхъ предоставить бѣольшую свободу. Сочиненіе свыше 15 листовъ можетъ быть напечатано безъ ценсуры, но съ предьявленіемъ до выпуска за 5 дней въ ценсуру.

5. Оградить личность, добрую вѣру и уважительную тайну независимо отъ отвѣтственности ценсора, отвѣтственности редактора и автора.

6. Мѣры взысканія развить, назначивъ мѣру наказанія мягче, штрафъ въ размѣрахъ и преимущественно денежную.

7. Что касается университетовъ, то нынѣ существующіе образовывать, въ настоящемъ ихъ составѣ, за немногими измѣненіями, въ высшія училища (въ родѣ бывшихъ университетскихъ пансіоновъ и нынѣшнихъ лицеевъ), а факультеты образовывать въ мѣстностяхъ болѣе удобныхъ для исключительныхъ ученыхъ занятій, а не въ столицахъ,

гдѣ усиленная общественность невольно сообщаетъ многочисленному собранію молодежи свои развлечения, тревоги и требованія. Я имѣю при этомъ другіе виды *).

Я не думаю, чтобы эти предположенія не были существенно полезны, и ценсурѣ, и наукѣ, и порядку.

Насильно сдержанная, особенно грубо, нагло и порывисто (1825, 1830, 1848 г.г.) зануздываемая, нація пробуждается къ возстанію, къ обвиненію и начинаетъ *мстить*. Мщеніе она еще до сихъ поръ выражаетъ обличеніемъ, осмѣяніемъ и клеветами мелкими. Состояніе не нормальное и исполненное недобрыми ожиданіями. Правительство бросается въ преобразованія также грубо, нагло и порывисто, и какъ бы предчувствуетъ свое банкротство. Нація требуетъ самоуправленія и, не находя нужныхъ элементовъ, согласныхъ съ Европейскими требованіями, готова сознаться въ своей несостоятельности.

Мнѣ бы хотѣлось взять положеніе посредствующее.

Я это обдумываю и въ „думкѣ“ моей, до усталости, прихожу къ крайностямъ: или возстановить во всей цѣлости полицейскій порядокъ Николая, умѣривъ его безличностію, т. е. подробнѣйшей регламентаціей, или установить на широкихъ размѣрахъ гласное управленіе, основанное на выборномъ началѣ. Переходную мѣру я думаю найти въ общемъ собраніи Совѣта и Сената, съ принятіемъ мѣръ къ ихъ улучшенію (*éripation*). Для этого достаточно уничтожить канцеляріи. Ничтожные люди уйдутъ; для замѣщенія ихъ лучшими можно принять условія не рѣзкія, но дѣйствительныя.

Студенты еще подъ арестомъ. Три комиссіи: здѣсь, въ Кронштадтѣ, въ Москвѣ представили свои заключенія и по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ комитетѣ, гр. Панинъ возилъ докладъ къ Государю 28 Ноября. Приказано доложить въ Совѣтъ Министровъ сего дня, и при самомъ докладѣ пришло извѣстіе, что 30 студентовъ засѣли въ зданіи, читаютъ какія-то прокламаціи и грозятъ пустить пулю въ лобъ, кто захочетъ нарушить ихъ засѣданія. Помощники проректора растерялись. Да. Но

*) Виды эти заключаются въ томъ, чтобы выше университетовъ учредить академіи: юридическую, въ Европейской половинѣ, напр. въ Грузинѣ, и академіи естественныхъ наукъ (и математическихъ) въ восточной половинѣ, гдѣ нибудь близъ Волги, гдѣ наука Русской природы найдетъ богатое поле, и для всѣхъ царствъ природы, и для всѣхъ головъ математическаго склада. Филологическій факультетъ можно соединить съ Академіей Наукъ. Это улучшить университеты, низведя ихъ, при недостаточномъ уровнѣ нынѣшнихъ занятій и преподаванія, на степень высшихъ училищъ, и парализируетъ лицеи и Училище Правовѣдѣнія. Последнее положительно вредно. За симъ оставалось бы учредить въ университетахъ приготовительный курсъ и уничтожить 7 классъ гимназій, отдѣливъ отъ нихъ 1 и 2 классы и давъ имъ характеръ преимущественно школъ реальныхъ.

не придумано и не приготовлено-ли все это для устрашенія? Министры наши играютъ дѣломъ. Я увѣренъ, что они напутаютъ. Не такъ повели дѣло съ начала, не такъ ведутъ и теперь. Молодежь легко обуздать путемъ законности. Исключительныя мѣры обличаютъ безсиліе законнаго порядка и уполномочиваютъ оппозицію. Изъ министровъ на сторонѣ молодыхъ людей—военный, Милютинъ. Я на той сторонѣ, что пора дѣло это кончить, и давно, давно слѣдовало уменьшить его размѣръ.

Я назначенъ членомъ комисіи объ улучшеніи системы податей. Это едва-ли не важнѣйшая задача послѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Дѣло мнѣ не неизвѣстное, и польза моего въ немъ участія, думаю, будетъ та, что поспѣшность и радикальность задуманныхъ преобразованій найдутъ во мнѣ по крайней мѣрѣ немолчаливаго одобрителя. Составъ комисіи и ходъ работъ ея напоминаютъ редакціонныя заведенія Ростовцова. Общее направленіе и особенная дѣятельность принадлежатъ молодому экономисту Тернеру, Соловьеву и Безобразову. Предсѣдатель Гагемейстеръ не слышенъ. Членовъ множество. Вызываютъ еще экспертовъ изъ губерній, отъ земства и городовъ.

Я едва успѣлъ ознакомиться съ существомъ работъ комисіи изъ напечатанныхъ въ газетахъ записокъ ея и изъ небольшой брошюры Тернера о общихъ основаніяхъ. Все это коротенько, скоренько и очень поверхностно. Вообще нельзя похвалиться систематикою и послѣдовательностію пріемовъ въ занятіяхъ комисіи. Отсутствіе хорошаго распорядителя чувствуется даже тѣми, которые распоряжаются. Нужно бы назначить довѣренное лицо съ авторитетомъ положенія и знанія дѣла, напр. Гурьева (боленъ), бар. Мейендорфа (старъ), Бахтина, пожалуй—Бобринскаго, Мальцова—когонибудь, но не директоровъ министерства. Дѣло съ приглашенными экспертами уже выходитъ изъ круга финансоваго управленія. Да и работы должны идти иначе. Теперь о земскихъ повинностяхъ пишетъ Соловьевъ, а управляющій ими, Прутченко, даже не бываетъ въ собраніяхъ; о соляномъ доходѣ соображаетъ Гирсъ, а управляющій горною частію Герягрось не присутствовалъ и при совѣщаніяхъ. Такъ дѣло не ведутъ, и такъ оно не пойдетъ.

Кажется принята система Киселева—переложить подати съ душъ на доходы. На доходы отъ земли и промыслы. Промыслы въ 1859 г. Муравьевъ называлъ усадьбою. Наша комиссія называетъ ихъ дворомъ. Распорядителями у насъ, и Гагемейстеръ, и Рейтернъ, и Зabloцкій и, Бутовскій, и Соловьевъ. Но я ни въ одномъ не вижу элементовъ хозяина дѣла. Я, я желаю немногаго: во первыхъ—отмѣны круговой поруки, во вторыхъ отмѣны или значительнаго сокращенія промысловой—усадебной или подворной подати съ крестьянъ, и наконецъ—уменьшенія расходовъ.

По среди всѣхъ этихъ событій, при которыхъ, и министръ, и министры готовы ожидать и ожидаютъ, какъ адвокатъ кн. Долгорукова въ процессѣ съ памятью Русскаго *лорда*, переворота въ Россіи à la 1789 г., ничтожно думать о единицѣ, о личности. Но я объ ней думаю. Извиняюсь. „Дурень думкой богатѣть“, говоритъ Малороссъ. Положимъ, это дурно. Но дурень, господа, „о Господи“ виновать. Онъ виновать не передъ собою, а передъ тѣми, которые зависятъ отъ моей службы. Я очень, глубоко разсердилъ министра моимъ донесеніемъ о Владимирскомъ управленіи. Сегодня, при докладѣ дѣла о Шеферѣ (дѣйствія министерства по отдачѣ ему Горы-Горецкаго хутора наивно непредусмотрительны), онъ прямо выразился, что я изыскиваю случаи выставить ошибки управленія и что вся моя ревизія имѣеть это направленіе, поставляя себѣ цѣлю задѣвать личности.

Можетъ быть, донесенія мои (ихъ, записокъ, 9-ть) имѣють цвѣтъ или желчь мщенія, но не личнаго. На столько личностей меня бы не хватило. Я золъ на всѣхъ, на все управленіе. Оно невѣжественно, оно недобросовѣстно, оно своекорыстно. Опредѣленіе лицъ по родству и протекціи, распоряженія, дѣлаемая исключительно для выставки заслугъ предъ государствомъ, безъ всякой пользы, даже съ вредомъ для народа, и всевозможное извлеченіе выгодъ личныхъ то мѣстами, то орденами, но всего болѣе деньгами и землями,—вотъ управленіе генерала Муравьева. Оно отражается въ губернскомъ управляющемъ, въ окружномъ начальникѣ и въ волостномъ писарѣ. Я не скрылъ этого. Я не скрывалъ и служа въ М-вѣ Юстиціи, когда представилъ, въ 1846 г., донесеніе о шести губерніяхъ и въ 1851 г. о положеніи 6-го д-та Сената. Я уже съ того времени удивляюсь, какъ я не въ крѣпости. Отправляясь на ревизію и посылая изъ Владимира донесеніе 25 Іюля, я зналъ, что не служу угожденію. Я высказался вполне, рѣшительно, представляя записку „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ Владимирскаго управленія“. Можно дѣлать все невозбранно, но—въ этомъ убѣдитесь—небезнаказанно. Тогда бы не было ни правды, ни Бога, (Онъ же есть правда. За праваго—Богъ. Мы посмотримъ, чѣмъ рѣшится эта распря. Я не вѣрю случайности, я не поклонникъ успѣху. Думаю и исповѣдаю, что есть Богъ.

Въ средѣ опасеній за уменьшеніе производительности и за неминуемый финансовый кризисъ и даже при немалыхъ страхахъ въ ожиданіи буйства, грабежа и самой рѣзни, общее вниманіе деморализуется до такой степени, что не только смѣны министровъ (особенно просвѣщенія, изъ нихъ трое посажены въ Совѣтъ и каждый знаменуетъ побѣду надъ правительствомъ) остаются какъ бы незамѣченными, не только оглашенія скандаловъ случайныхъ не возмущаютъ сословную стыдли-

вость, но и односторонняя хроника мировыхъ крестьянскихъ учреждений и открывающіеся дворянскіе выборы какъ будто не имѣютъ того интереса, котораго отъ нихъ ожидали. Самыя существенныя условія дворянскаго быта измѣнились. Остается ждать его изнуренія, по истощеніи проживаемыхъ запасовъ, и его безсильныхъ напряженій, всегда малообдуманныхъ и неувѣренныхъ. Кромѣ дворянства, незавидно положеніе и дворовыхъ. Исхода событій должно ожидать отъ этихъ классовъ. Къ нимъ присоединятся другіе, ибо довольныхъ нѣтъ ни одного. Не довольны даже дармоѣды, сановитые чиновники, потому что щедрость банкротствующей казны ихъ не успокоиваетъ, а званіе ихъ, давно сдѣлавшееся предметомъ посмѣянія, готово сдѣлаться посмѣшищемъ толпы, угнетеніе которой накопило массу мстительной желчи. Выдвинутое демократическое начало рветъ слабыя нити ошеломленныхъ правителей, и ни нынѣшніе суды и полиція, ни воинскія команды не сдержатъ этой постоянно возрастающей массы. Самая конституція, отъ которой правительство можетъ ожидать силы, только дастъ дѣлу видъ законности, не устраняя беспорядковъ. Самая Николаевская энергія только на время отдалить ихъ явленіе и ближайшія послѣдствія. Предвѣстники этихъ беспорядковъ уже показались. Четыре мѣсяца правительство возится съ студентами. Ему достаточно выразить какіе нибудь слухи, чтобы общество и журналы выразили и стали развивать другіе. Анархія въ ценсурѣ, возстаніе національностей, соревнованіе, зависть сословій, смѣлость, дерзость общественнаго говора и особенно выразительность молодаго поколѣнія не находятъ въ нашихъ правителяхъ ничего кромѣ манифестацій, обѣщаній и полумѣръ, при которыхъ анархія все растетъ, завоевываетъ шагъ за шагомъ поле битвы, и съ каждымъ шагомъ становится шире, сильнѣе и требовательнѣе.

Много толковъ производить процессъ князя Семена Воронцова и князя Петра Долгорукова по поводу статьи *Courrier du Dimanche* о попыткѣ на подкупъ послѣдняго или о поддѣлкѣ *замѣтки* фельдмаршаломъ княземъ Воронцовымъ для вынужденія Долгорукова поддѣлать генеалогію Воронцовыхъ, „не имѣющихъ ничего общаго съ древними Воронцовыми“. Адвокаты Матѣе и Маріе не скупаются въ обвиненіяхъ и часто очень фамилярныхъ объясненіяхъ о Русскихъ князьяхъ и о Россіи и ея порядкахъ. По мнѣнію моему, Долгоруковъ виноватъ. Политическихъ козней автору „Правды о Россіи“ въ процессѣ, срамящемъ насъ, никакихъ нѣтъ. Что-то скажутъ прокуроръ и судъ?

Новый министръ, П. А. Валуйевъ задумалъ издавать отъ министерства ежедневную газету „Сѣверная Почта“, газету официальную, политическую и литературную. Я не одобряю программы, она обѣщаетъ бодливость. Органъ правительства есть циркуляръ; а все, что

сверхъ того, выходить изъ сферы его вѣдомства и служить для него чаще затрудненіемъ, нежели орудіемъ вліянія. Особенно это должно сказать о насъ и особенно въ настоящее время, когда нужны не слова, а дѣло, и когда самыя распоряженія правительства встрѣчаютъ открытую оппозицію, иногда весьма смѣлую и дѣйствительную. „Сѣверную Почту“ заключаютъ. Я такъ думаю. Валуевъ всегда слишкомъ много придавалъ значенія внѣшнему, рѣчи, слову.

Дѣло моей ревизіи проясняется. Сегодня сдѣлались извѣстны данныя награды. Министръ разсыпалъ деньги, земли и чины. Я не получилъ ничего. Трое изъ директоровъ извинялись передъ мною, одинъ— даже письменно. Я это предугадывалъ, и скупость такого щедрого раздавателя меня нисколько не тронула. Я это зналъ, отъѣзжая на ревизію и, въ Октябрѣ, объяснившись съ женою, я представилъ отчетъ и ожидалъ не награды, но открытой немилости, въ которой я надѣялся не на одинъ духъ времени ослабшаго правительства, но и на всегдашнюю мою опору—на правду. Содѣйствіе общей пользѣ мнѣ стократно пріятнѣе, нежели личное удовольствіе. Въ запискѣ моей „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ управленія“ я высказала генералу Муравьеву столько прямыхъ истинъ, что вопросъ объ отношеніяхъ моихъ былъ рѣшенъ окончательно. Интересы мои были въ сторонѣ. Теперь меня озабочиваетъ другое: въ интересахъ правды и порядочнаго управленія не пошелъ-ли я далѣе дѣйствительнаго и должнаго? Можетъ быть. Увлеченіе здѣсь тѣмъ легче, что основаніямъ моей критики нечуждо личное отвращеніе отъ этой своекорыстной личности, которая представляется тѣмъ еще преступнѣе, что, при огромныхъ познаніяхъ и способностяхъ, онъ могъ бы, особенно въ настоящее время, принести большую пользу. Какъ быть! Постараемся выдержать.

Мы продолжаемъ пошалавать: четвертый министръ просвѣщенія и на этотъ разъ наименѣе свойственный и наименѣе приготовленный, Головинъ, статсъ-секретарь и личный секретарь Вел. Кн. Константина. Обращеніе къ партіи Константина показываетъ большое безлюдіе. Общее убѣжденіе молодежи то, что и Головинъ не усидитъ. Она желаетъ Пирогова. Головинъ пользуется большимъ довѣріемъ Вел. Князя и проводилъ его либеральныя идеи въ управленіи. Гр. Путятинъ не нашелъ симпатіи ни въ комъ и не имѣлъ ни къ чему. Головинъ долженъ будетъ удариться въ либерализмъ. Въ управленіи этого недостаточно. Головину нужно пріобрѣсти имя и авторитетъ. Все это должно имѣть до назначенія; иначе назначеніе будетъ шалость, капризъ, опрометчивость. Но сдѣлайте и Пирогова, будетъ тоже. Дѣло въ томъ, что нужно дать конституцію. Школьники—задиришки шумятъ (и особенно послѣ крѣпостнаго сидѣнія), потому что знаютъ, увѣрены, что за ними идетъ

цѣлая, плотная партія. Всѣ смѣлы, потому что Государь не имѣеть характера, а нравственно чувствуютъ за собою пушокъ на рыльцѣ и потому чужды энергіи.

Процессъ Долгорукова кончился. Онъ признанъ виновнымъ. И такъ доказано, что князья Воронцовы не древніе Воронцовы и что древній Долгоруковъ нанимался сдѣлать ихъ древними. Стоило для этого таскаться въ Парижъ и раскладывать на весь свѣтъ наши мелкія притязанія и наши грубыя мерзости?

Кончился этотъ вольный, размашистый и въ особенности переходный 1861 годъ. Онъ будетъ памятенъ, онъ будетъ эпохою по отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Онъ знаменателенъ и для Европы по Гарибальдійскимъ вліяніямъ. Онъ замѣчателенъ и въ Азіи вторженіемъ въ Китай и въ Америкѣ расторгеніемъ великаго союза Сѣверныхъ Штатовъ. Доктрины прежнія, въ теченіи его, развивались и утверждались. Идея національностей водворяется и расширяется все далѣе и глубже. Она не только требуетъ географическихъ измѣненій, но хочетъ завоевать и возвратитъ самоуправленіе, довольствуясь сдѣлками съ началами династическими и съ централизаціей. Она на этомъ не остановится. Республиканскія формы не составляютъ секретной цѣли. Она давитъ право, администрацію, податъ и самую науку. Отъ *suffrage universel* до *Volksrecht* и *Wissenschaft*, она демократизируетъ все.

(Продолженіе будетъ).

